

Андрей ТАВРОВ

Андрей Тавров родился в городе Ростов-на-Дону в 1948 году. Окончил филологический факультет МГУ по отделению русской филологии в 1971 году. Работал как журналист, художник по мозаике, редактор на телевидении. Работал в изд-ве «Художественная литература», делал поэтические переводы для книг, выходящих в Восточной редакции. С 1984 года работает на радио. Автор и ведущий ряда авторских программ. Ряд радиоспектаклей отмечен призами в России и за рубежом. Автор сценариев для телевизионного канала «Культура». Член Союза писателей Москвы, член русского отделения Пен-Клуба. Лауреат большой премии «Московский наблюдатель». Автор около 20 книг стихов и прозы, публикаций в журналах («Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Воздух», «Урал», «Арион», «Новая Юность» и др.), участвовал в ряде поэтических антологий. Сейчас – главный редактор поэтической серии издательства «Русский Гулливер», главный редактор журнала «Гвидеон».

Элегия связанных птиц

связанные птицы летят на Юг вставая в таблицу
менделеева воздуха ласточки журавли
воздух ходит окопом глядит в подземные лица
не говори не надо не говори

царь эдип идет по русскому листопаду
осыпаясь вслепую зернистым как плач плечом
связанные глаза ощупывают колоннаду
как колодцы воздуха связанные лучом

руки его тихо кричат в пространство
которого не достать изо лба из черной земли
но можно пытаться можно птичьим небом остаться
куда идут из глаз вынутые корабли

но можно пытаться судьбу и по небу плавать
на стершихся плавниках на сердечной мышце грудной
и можно еще кричать, и кричать и плакать
от толщи невыносимой от красоты земной

розы не удержать в ладони своей Атланту
легче девять гулких небес взвалить на плечо
ищет ветер гнезда жалит в пяту тарантул
воздух правдив и пуст и в груди горячо

Шарманщик

он шарманку ставит, крутит ручку
лужи ходят по дворам на разной высоте,
верховой как ваза вверх глядит
вниз уходит конь своим ребром колодца
где глоток нежизненной воды
а из вазы черной розой пахнет

он шарманку крутит морщит лоб патлатый
там где шестеренки и пружины, их сегодня нет,
ходит ветер там, колышет георгины,
вместо винтиков там рыбы и олени и ручьи
шестеренки с молоточками там – люди и их ангелы
льется музыка и кровь течет

проходили гимназистки четыремя
лапами и два студента свиристели в красные горошины
а я вносил в гортань цветы
и как окно и ласточка напился высоты
и я любил и жил и умирал
и лебедь через око пролетал

Человек с ямой в груди

человек с небесной ямой в груди
долгим полем идет, меняя ветер и вес,
вывернут ей словно сачком впереди,
как бабочка вытряхнут из небес

не надо больше ему ни рук, ни ног.
Кто остался в сачке, если не сам он, живой,
и идет он полем вниз головой,
как развязанный узелок

цветов и силков, вольноотпущенных звезд –
все они люди теперь, красное колесо,
им Белый Андрей чинит в лазури мост –
начинается скоро война-война.

пробитая пята самолет с терновым венцом
из ямы глубокой взошли и там навсегда живут.
Он идет к электричке, огибая ничьим лицом
Землю по дальней орбите, чтобы себя узнать.

Человек с ямой в груди как птица с ямой в груди
только тем и жив, что выпросил и раздал.
Ах небо же как развязанное гудит!
Сверкает составами словно степной вокзал
губами тяжкими, найденное, шевелит.

отдай же Лауре – мяч, а Петрарке – Рим,
и Фету – стог и Зое – степь с васильком,
змее – ручей и никому – нимб,
а славу – идущему босиком

в покаянной рубахе, чтобы укрыть собой
Кале переулков, город и букв и лиц
смыкаясь с ними в небесной яме грудной

в нее упадая своей – упадая ниц
лицом и людей и птиц, и людей и птиц.

Памяти цыган

что делать с кровью красной и цыганской
совсем не то, что с кровью иудейской
совсем не то, что с веной азиатской
или тропой над речкою индейской

что делать мне с лимоном полнолунным
с быком асбестовым и с антрацитом ночи
и я ложусь к ногам старухи
что сыплет мне на грудь и золото и луны

струит меня река из разветвленной крови
я лодкой в астрахань ныряю головой смолистой
мои разбиты брови
цыганским рысаком, как водопад на ринге

мне девочка поет, прижавшись изнутри к ракушке головной
иди-иди безногою тропой к львиноголовой смуглой Эвридике
и я иду, озер колеса мне в затылок смотрят
и лает вслед разросшаяся жаба

как сладок ужас
что мне ловить меж форм цветка и губ?
слова лишь призраки и ночь как ответ
на крупе кобылицы. Мера – прах
и грудь в крестах
и числа – голова, гниющая в кустах.

сказал кто: песня – счет? Кто: слово – слог? –
цыганской крови и длина и лента!
Висячие сады пустых берлог
я пел бы хуже, если б смог
я был бы весь – язык, распорка инструмента.
картавый клекот, ровный стог.

о сколько вас, что стали чернозем
Эльвира, Николай, Франциск, Людмила
вас песнь, что состоит из ила,
восставит розами, их ночью и огнем!

который год меж вами я иду
играя ни на чем, пытая пустоту
и вижу в зеркале обратнооком деву –
цыганский страх язвит мою пятю,
жук золотой ползет по древу
и сокол держит высоту

я стал прозрачный и живой,
одет твоею наготой
львиноголовая цыганка.

в лучах подземных и косых
смугла рука, красны уста
и кровь цыганская проста,
и раздвоён земли язык

Цапли

две цапли у холма стоят
вокруг летит Земля с Луной
и дева бьется и бормочет
о холоде и бедности а города
не слышат как она пророчит
рысак бежит и кличет кочет

о темный логос, о морщины мира!
везут вас в неразменном джипе
и бестолково птицы говорят и ангелы летают
каким-то непонятным веществом

и люди с трубками вместо лица
идут с кремлевского крыльца словно вода в песок
и кровь стучит ломая лоб в висок
и город в ночь простоволосый пробежал
а я искал двух цапель как эдип
меж мускулистым песни ладом
и вынутым конем, бегущим задом
среди горящих рук и мертвых лиц
и королевских птиц поющих по заборам
огнем и льдом...

...по воздуху по норам
его, где заблудились облака
и пляшет царь ногами как солома

я шел вдоль долгого аэродрома
и дней хрусталь стоял высокий и немой
и дрозд кричал косматой головой из Генуи до Усть-Илимска
о сколько срезанных цветов
о сколько вкопанных могил
я посетил блуждая там где прежде
подсолнух цвел и синим ветер был
виолончель рыдала в Будапеште

что в руку ты возьмешь, какой цветок
какой аэродром в глаза войдет
нет слов в звезде, лиса времен поет
в руинах где стесал ее поток

и голышами люди говорят и знают что хотят
и степь Медузой выглядит и станет
и белых ног стремятся в полночь стаи
и выйти из нее они хотят
в колючий словно проволока звукоряд
конь в воздухе убитом скачет

и сам с собою встал я в ряд
и руки длинные оплачу
и книги буквами горят в повозке с клячей
две цапли у холма стоят.

Осень

и сад был словно Даниил во рву,
он пламенем горел, он бормотал багрянцем
шла лошадь с человеческим лицом
дрова горели в скованной телеге

был в ров осенний мир, где мы ходили, погружен
с кустом орешника, с медведем и совой,
неся в груди и на плече с собой
друг друга, и взывали мы и плыли
в прозрачном пламени, в холодном воздухе

и ястреб шел по небу посуху
клюя огонь, и стал неузнаваем
на миг весь мир и я его назвать не мог

о сад осенний! бедный сад людской!
мы больше не узнаем в нем друг друга
кабан пойдет как карусель по кругу
а человек вынув глаза их с листьями смешает,

с машинами из мыслей и экранов,
с бинарным кодом
и лица не стало
у львов у человека и коня, а только
 пленка, глянцевая и немая

я цаплю в небе детской варежкой ловлю
я небо сам собою тороплю
и косяком там Хлебников летит
и Лермонтов поет словно снегирь и зяблик
уходит клин людей курлыча
по небесам как по лесам
 все плача, все кренясь, на юг о это осень!

во львином рву мы ходим мы поем не узнавая песни
и лев набраться слов и музыки хотел
но мы забыли их

и не кончается эпоха
где старец среди слез молчит

За месяц до войны

за месяц до войны
конь скачущий в жокее раскрывался
вот вытянется словно кот копытом
вот руку заднюю посеребрит
из плеч их снова выбросит как камни
и вспять в жокея ямою уйдет

а тот как человек сидит в коне, огромным глазом
он смотрит на ветвящуюся землю
как будто бы она как дым за пулей
его сухое тело – мысль коня –
ползет в коне в длину
из морды выступает ликом человеческим
уже незрячим, вдохновенным

он должен первым доскакать как голубя нога
с письмом в кольце о рекогносцировке

а пушки бухали и били
проталкивая сквозь себя снаряды с кровью
в которых человек покуда не разорван,
так бык пока тореро не убил
нежнее кажется и тяжелее

за месяц до войны
Блок Александр солдатом оловянным
сидит в ландо с сиренью и волчицей
по чистому челу стихи бегут и брызжутся чернилами
и совесть соловьем разбойничает в горле как в черемухе
и вдох серебряный как ложка холодит

за месяц до войны так сильно пахло мятой
и лица женщин словно тоньше стали
и шляпы плыли как большие птицы
и отдаваясь все они кричали: Ты! Ты! Один!

а через месяц
снаряд влюбленный будет воздух рвать как юбку
и догоняя бледного счастливицу
кричать вослед: Ты мой! Ты! Ты! Один!

за месяц до войны
я целовал дорогу вместо платья
и пахла пыль духами и жасмином
а птица в папиросном коробе стояла
и рос воздушный змей из неба наготовой

сговорчивой, родной, бесстыжей

Возвращение убитых

разбитое дыханье пронесут
как лодку на плечах – в затылок
шумит прибой.
И рев его рассерженный слабеет
и волн вздымается все тише грудь
как у героя после марафона

мы возвращались ночь входила в двери
и домочадцы тихо напевали
историю с другими именами
уже не нашими и пела песню дочь
и лаяла простуженно собака

ах птица ядром из моей груди
вылететь погоди
свернись в клубок, опрокинь потолок
еще раз меня роди

чтоб шел с тобой, с живой пустотой
выкрика впереди
клюй мне грудь, прежде чем ввысь вспорхнуть
вывороти пути
крови моей другой дикой не голубой
общей с тобой – гляди!

Вывороти меня изнанкой огня,
подземной коня
тенью, свой крик храня

А когда уйдешь – не нож, не грош –
небо взойдет в груди –
красной пробитой не по мерке сшитой
мертвой водой облитой
живой от тебя груди

на все небо убитой
разве слепо-рожденной
светлой птицей прожженной
в свете немо-стоящем
в крике в небо парящем
вместившей Бога груди.